

**Михаил Ефимович
Губонин —
верный свидетель
церковной истории
XX века**

В 2025 году Русская Православная Церковь будет отмечать 125-летие блаженной кончины святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. Его первосвятительское служение пришлось на самое начало кровавых гонений, воздвигнутых безбожной властью на Церковь. Враги Христовы всеми силами стремились засекретить или уничтожить документальные свидетельства как своих беззаконий, так и мужества защитников веры. Кому же было суждено противостоять этому? История знает самоотверженных тружеников, которые втайне, настойчиво и непреклонно совершали свой подвиг служения правде, не дожидаясь понуждения и не имея гарантий, что их усилия не пропадут. Таким был Михаил Ефимович Губонин, собравший огромный корпус документальных материалов, касающихся эпохи святителя Тихона. Его первый архив был изъят органами госбезопасности, но он не убоился и смело продолжил работу, заложившую документальную основу для современных исследований по истории Русской Православной Церкви. О человеке, дело которого устояло (см. 1 Кор. 3, 14), рассказывает ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета **протоиерей Владимир Воробьев**, имевший духовную радость общения с М. Е. Губониным.

Михаил Ефимович Губонин, внучатый племянник известного русского предпринимателя, строителя железных дорог Петра Ивановича Губонина и сын Ефима Семеновича Губонина, крупного знатока мехового дела, родился 24 июня (7 июля) 1907 года, в день празднования Рождества Иоанна Предтечи.

Ефим Семенович был прихожанином церкви преподобного Сергия Радонежского при Троицком патриаршем подворье, где в 1917–1922 годах находилась резиденция Патриарха Тихона.

На духовное становление Михаила Ефимовича значительное влияние оказал епископ Коломенский Петр (Руднев; † 11.03.1937), погибший позднее на Соловках. Он был последним настоятелем Богоявленского монастыря и последним благочинным монастырей Москвы. Столь же душеполезными были отношения Михаила Ефимовича с епископом Гомельским Тихоном (Шараповым; † 10.11.1937), расстрелянным в 1937 году. Церковная позиция епископов Петра и Тихона оказала духовное воздействие на Михаила Ефимовича и его ближайших друзей — иеромонаха Иеронима (Захарова; † 14.12.1966), будущего архиепископа Ростовского, Алексея Сергеевича Беляева¹ и Николая Педашенко².

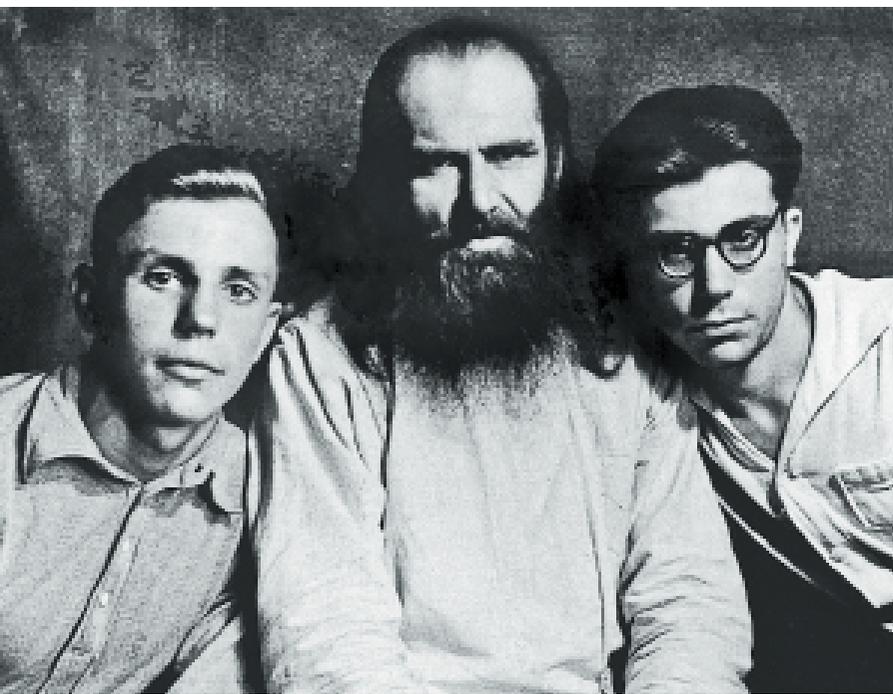
Алексий Беляев был иподиаконом у архиепископа Феодора (Поздеевского), а Михаил

Ефимович — иподиаконом у епископа Петра (Руднева), близкого архиепископу Феодору. В 1944 году архимандрит Иероним (Захаров) был хиротонисан во епископа, а в 1947 году он рукоположил Алексея Беляева в священный сан.

Величайшее уважение к владыке Феодору, стремление во всех вопросах церковной и духовной жизни сохранить верность «направлению Даниловского монастыря» друзья пронесли до конца своей жизни.

*Миша Губонин
с отцом. 1908 г.*

М. Е. Губонин в ссылке в Средней Азии, 1929–1933 гг. (вверху)

Протоиерей Алексей Беляев с сыновьями Николаем (слева) и Сергеем (справа) (внизу)

С десятилетнего возраста Михаил Ефимович посещал богослужения Патриарха Тихона. В день похорон Первосвятителя он был в Донском монастыре и впоследствии ежегодно в день его кончины, 7 апреля, старался бывать в Донском монастыре на панихиде у гробницы Патриарха.

По окончании художественного училища в 1928 году Михаил Ефимович работал в раз-

личных издательствах и художественных мастерских, а также в Историческом музее города Москвы.

Двадцать восьмого октября 1929 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, а 15 мая 1930 года осужден особым совещанием при коллегии ОГПУ СССР по ст. 58–10 УК РСФСР по сфабрикованному обвинению в «связях с реакционными церковниками, ведении под флагом религии антисоветской агитации» и приговорен к трем годам ссылки в Среднюю Азию.

Ссылку отбывал в городах Шахрисабзе, Термезе, в Бек-Буди (ныне — Карши) на территории Узбекистана.

К испытаниям, ожидавшим всех ссыльных, прибавилась тропическая лихорадка в тяжелой форме. Зато знакомство и общение с репрессированными митрополитами, епископами, священниками обогатило Михаила Ефимовича духовно.

Пятнадцатого мая 1933 года Михаил Ефимович был освобожден, а 4 марта 1940 года по Постановлению Особого Совещания НКВД СССР был реабилитирован и получил возможность жить в Москве.

В 1938 году М. Е. Губонин женился на Клавдии Петровне Мироновой, ведущей хористке руководимого А. В. Свешниковым хора. Одновременно жена Михаила Ефимовича пела в церковном хоре, вначале в Богоявленском Дорогомиловском соборе, а после того, как его взорвали, — в патриаршем хоре кафедрального Богоявленского собора под управлением Виктора Степановича Комарова. Она оставила подробное описание (рукопись) всех богослужений с 1943 по февраль 1946 года, которые возглавляли Патриарх Сергей (Страгородский) и Патриарх Алексий I (Симанский).

В 1940 году у Михаила Ефимовича и Клавдии Петровны родился сын, а 22 июля 1941 года М. Е. Губонин был призван на военную службу и направлен в Тульское оружейно-техническое училище (эвакуированное в Томск), которое окончил в офицерском звании, затем был зачислен в 7-й кавалерийский корпус начальником топографической службы штаба корпуса. Назначили его на эту должность с учетом гражданской профессии художника.

Михаил Ефимович так вспоминал свои переживания в связи с этим назначением:

«Больше всего беспокоила меня возможная скорая встреча с противником лицом к лицу и необходимость убить незнакомого мне человека. Я представлял себе лицо этого человека, его глаза, его возможную частную жизнь до войны. И человек он, может быть, неплохой, лучше меня, что нетрудно. И жена у него, может быть, осталась дома, остались, наверное, родители престарелые. Представлялись они мне патриархальными бюргерами, наделенными всеми добродетелями старого немецкого быта. А на руках его жены, которая бессонными ночами молится за него своими лютеранскими молитвами, дети малые — “Тензель и Гретхен”, милотидные, как на иллюстрации к “Сказкам братьев Гримм”... А я его, несчастного, в бою — насмерть, и он умирает... проходит через муки предсмертные! И никакой он не фашист по душе и в своей жизни, а христианин по вере и по своему житейскому обыкновению! Пришел же он в нашу землю, потому что законопослушен. Его призвали, вооружили, поставили в строй и обязали выполнять приказы, которые ему ни по уму, ни по сердцу. Как ни внушал я себе, что “закон войны” таков, что незнакомые люди убивают друг друга, что враг, неприятель на войне обезличен, — ничего не мог поделать с собой. Нет, я никогда не был пацифистом. Ведь есть войны, в которых христианин должен, обязан участвовать, если то, что свято, можно защитить только оружием. Но себя преодолеть я тогда не мог, мучился и молил Бога, чтобы Он явил чудо и помог мне служить, исполнять воинский долг, а людей не убивать. И вот когда прибыл с назначением в штаб кавалерийского корпуса, там прочитали мои документы, спросили, кем был до училища. Сказал, что был художником промышленной графики. И вдруг определяют меня не в строевую часть, не в артиллерию, не по военной специальности, а в штаб, в корпусную топографию и картографию, где был дефицит кадров. Основным моим делом во всю войну было получение в штабе фронта необходимого картографического материала и копирование его один в один или по определенным параметрам — с определенными изменениями и уточнениями, но строго в назначенные сроки. Иногда несколько ночей под-

ряд не спали мы, картографы, чтобы в корпусе все, кому положено, были обеспечены картами в срок. А стрелять и убивать — это в служебной инструкции картографу не прописано. Возблагодарил я Создателя, внял Он моей мольбе! Пистолет, конечно, мне полагался, но, скажу прямо, доставал пистолет только один раз, вскоре по назначении. А потом забыл, как кобура открывается. Проверять и чистить оружие было некогда — на сон и на еду времени оставалось в обрез. И в моей кобуре пауки завелись, наверно, даже и мыши, или какие-нибудь малые змеи, но это может произойти только от сильного тепла... А смерти в глаза смотреть приходилось не раз. Но всегда обстоятельства оборачивались так, что до прямого смертоубийственного соприкосновения с живым противником дело не доходило.

Доставал я пистолет вот по какому случаю. Вскоре по моем поступлении в корпус нас передислоцировали. Под Сталинградом уже был в окружении Паулюс и его армия, а к нему, как мы узнали позже, должен быть идти на выручку через донские степи со своими танками и другой техникой Манштейн. Бросили наш корпус и еще какие-то части на опережение Манштейна в прорыв. Мы лихо пошли. Прорвали фронт, продвинулись вперед сколько смогли и стали громить всех неприятелей, кто встретился. Но так продолжалось недолго. Немцы опомнились, озлились, сконцентрировались и начали

Семья Губониных:
Сергей Губонин,
Юлия Ивановна
(мать Михаила
Ефимовича), Зоя
Петровна, Ми-
хаил Ефимович.
Август 1960 г.

нас утюжить танками и бомбить с воздуха. Пехоту, легкие войска почти не использовали. Берегли людей. У нас же техники — чуть, и поддержки никакой. Как мы ни изворачивались, пытаюсь вырваться обратно, как ни отбивались, немцы были везде сильнее, и напор их был все мощнее. Днем и ночью мы сражались и метались. Местность почти вся открытая, закрепиться для обороны не за что, держаться нам негде. Быстро теряли и людей, и конский состав, и немного из техники, с чем нас бросили в прорыв. Боеприпасы — на исходе. И вот осталось от всего нашего корпуса только несколько человек. Может, где-то еще какая-нибудь группа уцелела — не знали. Позже стало известно, что с большим разбросом, на дистанции до десятков километров вырвались из тисков неминуемой смерти еще несколько остаточных отрядов... Такие же, как и мы, бедолаги.

Мы лежали в степи на дне балки (это сухой овраг в степи), быстро сгущались зимние синие сумерки. Слышим — танки близко совсем! Все прижались, лежа, полулежа и стоя, к земле, к склону с “их” стороны. У всех в руках — оружие. Я тоже сжал пистолет свой в руке и зубы сжал. Напряжение такое, что не до страха. Молчим. Только рокот моторов. Танки подошли к краю оврага и открыли огонь в упор по противоположному склону и дну балки, сколько позволял доступный им угол обстрела. Долго и методично стреляли они уже в полной темноте. Потом медленно развернулись и ушли, посчитав, что

6 мая 1945 г.
М. Е. Губонин
в центре

дело сделано. Но — чудо! Никого из нас даже рикошеты не задел! Всю ночь мы не шелохнулись — долго еще слышался в отдалении немецкий говор. Зимние ночи долгие! Только когда уже солнце просияло сквозь морозную дымку, мы наконец опомнились. Прислушались — тишина. Выглянули: кругом равнина, степь и — никого. Тогда поднялись и пошли. Пошли по направлению... Как сообразили, что так будет вероятнее — к своим, так и пошли. Сколько шли — уже не помню. Как-то утром видим: разбитые деревья, печные остовы, выжженные дотла строения и подальше этого печального пейзажа — наши! Все дружно, без команды издали тихий и хриплый радостный вопль! Тот день — 23 февраля 1943 года, день Красной Армии, — я считаю своим вторым днем рождения. Потом нас отправили на переформирование — новые люди, кони и все, что положено для войны.

При всяких обстоятельствах приходилось встречаться с возможностью умереть. Последняя такая возможность была в Германии, весной 1945 года. Погода была замечательная. Куда-то нам надо было прибыть на своем “джипе с лебедкой”. Нам — это мне, моему помощнику, нашему вестовому и водителю. По дороге видим какую-то ферму. Кругом ни души. Заезжаем — людей никого, только живность всякая бродит по двору: куры, гуси и несколько свиней. Дом пуст. Тут вестовой свинью из автомата уложил, окорок — в джип, а в джипе была у нас канистра со спиртом. Едем через уютный перелесок. Остановились на полянке, расположились, благо время какое-то было в запасе. Соорудили костер, занялись трофейным окороком. И вот только мы приступили к своей роскошной трапезе, вдруг артиллерийский выстрел, за ним другой — и разрывы вблизи. Глядим — два танка “чешут” прямо на нас, лавируя мимо редких деревьев. То ли ветер был в их сторону, то ли далеко вато, но — не услышали. Мы — опрометью в джип. Мотор, славу Богу, в порядке, бензина вдоволь. На бешеной скорости, петляя и рискуя столкнуться с встречными деревьями, мы мчались сквозь редколесье. Удрали и прибыли по назначению целые и невредимые, потеряв канистру спирта и трофейный окорок. А было вот что. Наши не дали их танковой группировке прорваться с севера к Берлину. Только какие-то шальные экипажи вырвались, одурели от своего

успеха и безнадежности и понеслись куда глаза глядят, расходуя свой боезапас на встречные цели. На пути двум танкам попались мы, и едва не стали их легкой добычей».

М. Е. Губонин начал фронтową службу, получил боевое крещение в донских степях в декабре 1942 года и дошел до Берлина в звании гвардии старшего лейтенанта с тремя орденами и пятью медалями. Его рассказы о пережитом в годы войны, как и все другие повествования, носили неповторимый отпечаток его яркой индивидуальности, артистизма, искренности и абсолютной достоверности.

Михаил Ефимович замечательно относился к людям, что памятно всем, кто его знал. Его отличало особое искусство общения с каждым, встретившимся ему, независимо от возраста, образования, социального статуса. Дети, молодежь и пожилые люди высокодуховной жизни, так же как и люди с поверхностной, обывательской психологией, одинаково начинали считать его «своим».

Через полгода после возвращения Михаила Ефимовича из армии, 11 августа 1946 года в возрасте 37 лет от неизлечимой болезни скончалась его жена, оставив малолетнего сына.

Через два года он женился на сестре покойной жены Зое Петровне Мироновой, которая стала его помощницей в воспитании осиротевшего сына Сергея.

В конце 1947 года Михаил Ефимович был приглашен Московской Патриархией к участию в создании сени над ракой святителя Алексия, митрополита Московского, в кафедральном Богоявленском соборе в Елохове³. Деревянная резьба для сени, под которой были положены мощи святого, выполнена по проекту М. Е. Губонина⁴. В качестве образцов он использовал произведения русских резчиков по дереву XVI–XVII веков.

Начиная с 1949 года Михаил Ефимович особенно много внимания уделял работе над рукописью, посвященной Патриарху Тихону. По крупницам продолжал собирать материал, тщательно анализировал его и собственноручно печатал на машинке.

С 1953 до 1957 года пришлось на время отложить эту работу, так как Михаил Ефимович активно включился в работы по реставрации и росписи храмов при епархиальных управлениях в разных городах. В 1953 году М. Е. Губонин участвовал в реставрации верхнего храма

Святейший Патриарх Кирилл у раки с мощами святителя Алексия, митрополита Московского. Богоявленский собор в Елохове, г. Москва

*М. Е. Губонин
в Кафедральном
соборе в Куйбышеве. 1955 г.
(вверху)*

*Работа в каче-
стве художника
по реставрации
и росписи храмов.
г. Кашира, 1953 г.
(внизу)*

Всехсвятского кафедрального собора города Тулы. Помимо художественных работ исполнял обязанности бригадира художников. С мая 1954 по июнь 1955 года выполнял декоративную и многофигурную художественную роспись интерьера Куйбышевского Покровского кафедрального собора. С декабря 1955 по август 1956 года участвовал в художественных реставрационных работах в Астраханской и Сталинградской областях. В начале 1957 года художник восстановил в цвете 14 наружных икон,

исполненных на жести, в Пименовском храме города Москвы.

С середины 1957 года Михаил Ефимович вновь вплотную приступил к работе над рукописью.

В середине 1960-х годов Михаил Ефимович по приглашению председателя Издательского отдела Московской Патриархии епископа Волоколамского Питирима (Нечаева) оформлял Православный церковный календарь, «Журнал Московской Патриархии», выполнял другие художественные работы. В «Журнале Московской Патриархии» были опубликованы несколько его статей, в том числе некролог памяти архиепископа Иеронима (Захарова).

Однако основное внимание в последние два десятилетия своей жизни Михаил Ефимович отдавал делу, которому был предан с юности. Он хотел закончить многотомный труд (об издании которого в то время не могло быть и речи), посвященный Патриарху Тихону и истории Русской Православной Церкви XX века.

Еще с 1920-х годов М. Е. Губонин начал собирать материалы по истории Русской Православной Церкви, в том числе документы, тексты которых он достать не мог, но имел достоверные сведения об их существовании и времени написания (некоторые из этих документов ста-

Патриарх Тихон (слева)

Варианты оформления ЖМП, созданные Михаилом Ефимовичем во время работы в Издательстве Московской Патриархии (справа внизу)

ли доступны с открытием секретных архивов). Первая коллекция документов, собранных Михаилом Ефимовичем, была утрачена в связи с его арестом. Выйдя на свободу, он стал собирать все заново.

Михаил Ефимович был педантичным и скрупулезным собирателем всего, что имело значение для церковной истории новейшего периода. В нем соединялись удивительная широта и свобода взглядов с тончайшей церковной интуицией, любовь к кропотливой архивной работе с необычайной живостью характера, строгость и точность церковных и духовных оценок с замечательным даром рассказчика, тонким и добрым юмором. Был он скромным человеком, жил часто в бедности, отдавая все силы и время своему труду.

Даже на фронте он не прекращал думать о любимом деле. Так, первая редакция «Воспоминаний о Патриархе Тихоне» датируется апрелем 1945 года.

К памяти Патриарха Тихона он относился с особым трепетом и негодовал, когда умышленно замалчивалась значимость мученического патриаршего служения в труднейший исторический для Церкви и страны период. Например, в № 3 ЖМП за 1944 год была опубликована статья С. В. Савинского «Значение Патриаршества в жизни Православной Русской Церкви вообще и современной в особенности». Излагая сведения, относящиеся к послереволюционному периоду, автор написал единственную фразу о Патриархе

Письменный стол, за которым работал М. Е. Губонин (справа)

Картотека епархий, над которой работал М. Е. Губонин, и вид карточки (Лужская епархия) (внизу слева)

Страница из машинописной перепечатки картотеки

Тихоне: «Патриарх Тихон, первый патриарх по восстановлении института патриаршества, умер в 1925 г.». На полях журнала, против этой фразы, крупно, нервно рукой Михаила Ефимовича написано: «и все??!!...»

Свое понимание задачи собирателя и комментатора церковных документов М. Е. Губонин выразил так: «Фальсифицировать историю не только общественное преступление, но, рассуждая с церковных позиций, и немалый грех, ибо сознательно искажались бы провиденциальные минувшие пути человека в его земном движении к вечности, правдивое отображение и изучение коих всегда назидательно и практически полезно для избежания пагубных повторных заблуждений в будущем». Он всегда стремился «сохранить первоначальный, действительный, не искаженный переписками текст того или иного документа».

В 1969–1971 годах Михаил Ефимович сосредоточился на продолжении труда Павла Строева⁵ — составлении списков иерархов по епархиям Российской Церкви. Перед самой кончиной он успел завершить черновой, исходный вариант работы — фундаментальную основу словаря архиереев и комментированных епархиальных списков архиереев от начала Русской Православной Церкви по 1970 год.

К столетию (в 1965 году) со дня рождения Патриарха Тихона, в святости которого Михаил

Ефимович никогда не сомневался, он подготовил к печати в машинописном виде сборник в двух частях «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне». В первую часть вошли воспоминания о Патриархе, а во вторую — комментарии к ним. В этом сборнике Михаил Ефимович собрал все доступные сведения о каждом дне жизни святителя Тихона за семь с половиной лет его патриаршего подвига. Комментарии и дополнения к этим воспоминаниям представляют собой более двухсот статей, написанных на высоком научном уровне. Их можно рассматривать как самостоятельную обширную хрестоматию по истории Русской Православной Церкви XX века.

На письменном столе Михаила Ефимовича находился стеклянный футляр, в котором хранился малый омофор Патриарха Тихона. После кончины Михаила Ефимовича эта святыня была передана протоиерею Алексею Беляеву, а в конце 1989 года — митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексею (Ридигеру), вскоре ставшему Патриархом Московским и всея Руси. Господь чудесным образом отметил подвижнический труд Михаила Ефимовича: он скоропостижно скончался в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова 9 октября 1971 года. Через 18 лет в этот день состоялось прославление Патриарха Тихона, к памяти которого с особой любовью Михаил Ефимович относился всю свою жизнь.

Зоя Петровна Губонина (1923 – 2022), вдова Михаила Ефимовича (слева)

Могила М. Е. Губонина на Долгопрудненском кладбище (справа)

половины XX века. В настоящее время ни одно исследование по истории Русской Православной Церкви минувшего столетия не выходит без ссылок на этот ценнейший сборник источников.

Исследовательская группа во главе с учеником М. Е. Губонина кандидатом исторических наук П. Н. Грюнбергом продолжила работу Михаила Ефимовича, и в 2006 году в ПСТГУ была издана книга под названием «История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями)». В дальнейшем труд был доработан, в частности списки кафедр и иерархов доведены до 2019 года, когда вышло в свет второе издание.

В 2007 году увидел свет двухтомник «Современники о Патриархе Тихоне». Михаил Ефимович подготовил его к 100-летию Патриарха Тихона, а к 100-летию составителя вышел его первый том.

На втором открытом конкурсе книжных изданий «Просвещение через книгу» дипломом первой степени в номинации «Лучшая духовно-патриотическая книга» было отмечено издание «Современники о Патриархе Тихоне» и дипло-

мом третьей степени в номинации «Лучшее справочное издание» — «История иерархии Русской Православной Церкви».

К 75-летию со дня кончины священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого, ставшего по завещанию Патриарха Тихона Местоблюстителем патриаршего престола, ПСТГУ осуществил издание книги «Кифа»⁶, в которую в качестве дополнения к очерку М. Е. Губонина вошли документы из следственных дел митрополита Петра, а также очерк «Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра», написанный священником А. Мазыриным на основе новооткрытых документов.

Одной из самых значимых встреч в жизни М. Е. Губонина стало знакомство со святителем Афанасием (Сахаровым; † 1962). Священноисповедник Афанасий (Сахаров) — участник Поместного Собора 1917–1918 годов, сподвижник святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, терпеливый и твердый страдалец за веру, узник тюрем и концлагерей, сам испытавший все унижения и страдания эпохи великих гонений, составитель службы «Всем святым, в земле Российской просиявшим», ред-

костный знаток и ревнитель устава церковного, наконец, самовидец великих святителей-новомучеников — живой носитель церковного предания, вписавший одну из ярчайших страниц в новейшую историю Русской Церкви своим исповедническим подвигом.

В 1955 году, вскоре после освобождения из последнего места заключения святитель Афанасий, обращаясь к своим духовным чадам, пребывавшим в разделении с Патриархом Сергием (Страгородским), написал подробное письмо с убеждением и благословением вернуться к церковному единству.

Сейчас, по прошествии десятилетий великие дела святителя Афанасия нуждается в дополнительном разъяснении. В то время, когда гонителями была отнята церковная свобода, для тех, кто пережил гонения, расстрелы своих духовных отцов — праведников и мучеников, кто знал, что значит стоять за правду церковную, не соглашаясь пойти на сотрудничество с безбожной властью, стать осведомителем, доносчиком, — вернуться из разделения было невероятно трудно. Эти люди сами были теми исповедниками, на которых утверждалась вера в лютое время гонений. Представлялось психологически невозможным теперь, пережив репрессии, вернуться туда, откуда они ушли, и при этом сохранить свою совесть чистой. Вернуть таких отколовшихся людей мог только авторитет святости, это мог сделать только исповедник, который сам прошел тюрьмы и лагеря, сам бескомпромиссно и бесстрашно отдавал свою жизнь за Христа, сам

выстрадал свое решение, претерпев жестокие и бесчеловечные мучения от гонителей веры и пережив душевные сомнения в поисках воли Божией. Именно таким и был святитель Афанасий, и его смиренный, полный любви и понимания голос был услышан множеством не поминавших митрополита (а потом Патриарха) Сергия. Они вернулись в храмы, сохраняя преемство с мучениками и почитая их, воспитали многих пастырей и архипастырей, сами обрели благодатную церковную жизнь и вечный покой.

Михаил Ефимович был наслышан о святителе Афанасии как о святом старце, живом свидетеле великой и тяжелой для Церкви эпохи 1920–1930-х годов, и поэтому искал с ним встречи. А встретив, обрел в святителе учителя и утешителя на своем трудном жизненном пути. Духовная близость святителю Афанасию была для Михаила Ефимовича опорой в дальнейшей жизни и трудах. Священноисповедник Афанасий стал духовником, наставником и старшим другом М. Е. Губонина, который свой главный труд «Акты...» посвятил святителю Афанасию. Перу Михаила Ефимовича принадлежит и краткий, замечательный очерк о владыке Афанасии.

В достаточно отдаленные Петушки, где пребывал на покое святитель Афанасий, Михаил Ефимович приезжал регулярно, вплоть до самой кончины великого старца 28 октября 1962 года.

Протоиерей Владимир Воробьев

Литература:

Михаил Ефимович Губонин. К 100-летию со дня рождения // *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II: 2 (27). С. 132–143.*

Воробьев Владимир, прот., Щелкачев А. В., Губонина З. П. *Жизнь прожить... // ЖМП. 1993. № 11. С. 51–58.*

Архивные материалы:

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1484.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р–42204.

Публикации:

Из документов о Свят. Патриархе Тихоне, собранных М. Е. Губониным // ЖМП. 1993. № 11. С. 54–58.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России; позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994.

Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб., 1994.

¹ В 1920-е гг. был иподиаконом, потом стал священником. В последние годы жизни — протоиерей, исполнял послушание духовника в Пюхтицком женском монастыре. Скончался 15.12.1987 г.

² Потомок Николая Васильевича Гоголя по женской линии. Скончался в 1980 г. на покое в Москве в сане протоиерея.

³ Летом 1947 г. Церкви были возвращены мощи святителя Алексия, митрополита Московского.

⁴ Сень была установлена над мощами святителя Алексия в 1948 г.

⁵ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

⁶ Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М.: Изд-во ПСТГУ. 2012. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви.)